

О насущном

Столетие начала Первой мировой войны – одного из самых драматичных и судьбоносных событий в истории XX века – повсеместно вспоминают и широко отмечают в Европе и по всему миру. Уже давно в исторических исследованиях за ним закрепилось название “короткого”, отводя 1914 году роль не календарного, а фактического начала столетия. Конечно, с этим можно спорить, указывая на то, что та великая война разразилась не в результате трагичного стечения обстоятельств или цепи случайностей, а долго вызревала в недрах мировой политики, была продиктована объективными причинами конкуренции великих держав. Но бесспорно то, что 1914 год стал символической точкой отчета нового периода европейской истории, рождения мира, принципиально не похожего на предыдущий.

Масштаб того события был настолько грандиозным, причины, его вызвавшие, настолько многослойными, что историки до сих пор спорят о его природе, генезисе, значении и последствиях. Как часто бывает со знаковыми датами, воспоминания о них, их переоценка ставят вопрос об уроках истории, их злободневности. Чему может научить Первая мировая война Европу сто лет спустя? Вопрос далеко не праздный. Круглые даты всегда подталкивают к тому, чтобы проводить параллели между прошлым и настоящим. Однако в случае событий начала XX века, действительно, напрашивается немало аналогий при размышлениях о нынешнем состоянии Старого Света.

Мыслям об этом способствуют и новые крупные исследования, приуроченные к скорбной юбилейной дате. В

английской литературе среди них хотелось бы выделить монографию профессора Кембриджского университета Кристофера Кларка “Лунатики: как Европа пришла к войне в 1914 году”¹ и книгу профессора Оксфордского университета Маргарет Макмиллан “Война, прервавшая мир: дорога к 1914 году”². Содержащийся в них анализ положения дел в Европе в начале XX столетия демонстрирует, что, во-первых, Европа пала жертвой противостояния нескольких центров силы и отсутствия общеевропейской системы безопасности, и, во-вторых, что личностный, субъективный фактор в истории играет огромную роль.

Не напоминает ли Европа 2014 года всё больше Европу 1914 года? Чем, например, Украина – не Балканы сегодняшнего дня как потенциальный фитиль большой войны? Эскалация события на Украине произошла по историческим меркам мгновенно, приведя к новой гражданской войне в центре Европы – перспектива, которая после войн в Югославии казалась больше невозможной. Чем сами современные Балканы, как и сто лет назад, не её потенциальный детонатор, расположенный, например, в Боснии и Герцеговине? Чем “замороженные конфликты” в Молдавии и Закавказье не воронка для возможного втягивания в противостоянии друг с другом целого ряда соседних стран и не только? Не избежала

¹ Clark Christopher. The Sleepwalkers: How Europe went to war in 1914. New York: HarperCollins Publishes, 2013.

² MacMillan Margaret. The war that ended peace: the road to 1914. New York: Random House, 2013.

ли уже история, к счастью, срыва в широкомасштабное столкновение между великими державами, например, в результате броска российских десантников в аэропорт Приштины в июне 1999 года, или в августе 2008 года в Грузии?

Если следовать логике “короткого века”, XX столетие можно назвать вдвойне коротким, отмеряя его продолжительность лишь до 1991 года, как другой знаковой даты. Но так ли это? С рубежным значением 1914 года трудно спорить, но и трудно согласиться с тем, что последствия распада Советского Союза и уход в прошлое биполярного мира укладываются в короткий временной промежуток рубежа 1980-х – 1990-х годов. Скорее обратное – те события стали лишь началом трансформаций на громадном евразийском пространстве – процесса, который принадлежит XX веку и который, на самом деле, может сделать действительно коротким уже новое столетие.

Представляется, что последнее содержание, а не календарно начнётся по-настоящему только тогда, когда геополитические плиты, пришедшие в движение с исчезновением СССР, вновь обретут относительный покой. Пока же то, что происходит на постсоветском пространстве и в Юго-Восточной Европе, олицетворяет не новый период истории, а попытки Старого Света решить главную проблему второй половины прошлого столетия – объединения Европы на основе единой системы безопасности и союзнических отношений. И те политики, и политические силы, которые до сих пор противятся этому и призывают призраков холодной войны вновь обрести плоть, лишь отдалают настоящее начало XXI века.

Конечно, никакие крупные процессы в истории не заканчиваются и не начинаются одновременно, и новое всегда вызревает в глубинах старого. Вероятно, последние два с половиной десятилетия представляют собой одно-

временно “доживание” XX столетия и рождение новой эпохи. Пока эти два исторических ряда переплетены настолько тесно, что трудно отличить одно от другого. До сих пор не решённой проблемой, доставшейся от прошлого, является место России в Большой Европе¹. Последняя сейчас фактически представляет собой “постверсальскую Европу” календарного начала XXI века. Только в отличие от первой трети его предшественника сейчас признания достойного места и роли на её пространствах требуется уже не для Германии, а для России.

С другой стороны, процессом новой природы является, безусловно, эволюционный, постепенный переход мира к полицентричной системе международных отношений. Напрашивается сравнение такой полицентричности с “концертами держав” XIX столетия. В этом можно увидеть как добрый знак, так и предостережение. Тогда баланс сил великих держав, особенно тот, что утвердился после Венского конгресса 1814–1815 годов, способствовал установлению в Европе длительного периода относительного спокойствия. Однако в начале XX столетия он себя изжил, открыв дорогу 1914 году.

Можно ли назвать утверждающийся полицентризм начала XXI века новым изданием давно ушедших в прошлое концертов держав? И да, и нет. Многополярность и тогда, и сейчас роднит то, что не существует одного или двух гегемонов, которые могут диктовать свои условия всем остальным, сила и влияние в мире становятся всё более расплывчатыми. Однако есть и принципиальные несовпадения. В отличие от XIX столетия международные отношения окончательно перестают быть европоцентричными, о себе всё громче заяв-

¹ См.: Доклад Института Европы 287, Изд. “Русский сувенир”, Москва, 2013. Доклад Института Европы 292, Изд. “Русский сувенир”, Москва, 2013.

ляют внеевропейские центры силы и влияния. На второй план ушли и силовые методы решения тех или иных международных проблем. Большинство стран мира, включая европейские, ориентируются в достижении своих целей на использование “мягкой силы”. Наконец, после 1945 года была создана мощная и разветвлённая система международного права, опирающаяся на деятельность Организации Объединённых Наций, которая не повторила судьбу Лиги наций, а превратилась в стержень мировой политики, лучше и эффективнее которого с точки зрения мирового управления и регулирования человечество пока ничего не изобрело.

Период истории, начавшийся в 1914 году, можно во многом сравнивать со временем после 1991 года. Война, разразившаяся сто лет назад, по мнению многих, включая Уинстона Черчилля, не была первой, и не закончилась в ноябре 1918 года. То был первый этап новой “тридцатилетней войны”, конец которой положил лишь 1945 год. Центральной проблемой того исторического отрезка времени были судьбы Германии. Можно утверждать, что в истории Европы последних 25 лет стоял и продолжает стоять вопрос о судьбах России. Без его решения век XX не закончится, а век XXI не начнётся. Распад Советского Союза не привёл к таким катастрофическим последствиям с точки зрения человеческих жертв, как начало Первой мировой войны. Хотя надо помнить, что на счету этого распада десятки тысяч погибших и миллионы пострадавших. Вопрос в том, будет ли Европа, в отличие от себя самой сто лет назад, решать проблему нового непризнанного Левиафана – теперь не Германии, а России – не путём скатывания к конфронтации и, возможно, к большой войне, а путём установления большого мира.

Пока же начало XX и XXI веков больше напоминают друг друга, чем отличаются. В обоих случаях Старый

Свет прошёл через эйфорию в отношении своего будущего. Сто лет назад Европа была в зените своего могущества, большая часть мира была поделена между европейскими империями, технологические новшества трансформировали жизнь человека, экономика повсеместно быстро развивалась, и XX век должен был стать для Европы триумфальным и исключительно благополучным. Как ни парадоксально, пик воодушевления в Европе пришёлся на первые месяцы войны, которая была восторженно встречена публикой. Разочарование наступило быстро. Симптоматичным стал выход в 1918 году книги О. Шпенглера “Закат Европы” – реквием западной цивилизации. 1920-е годы, отмеченные хронической безработицей, сменились Великой депрессией. В 1930 году публикуется “Восстание масс” Х. Ортега-и-Гассета – реквием западной культуре.

Старт нового тысячелетия сопровождался эйфорией, связанной с ожиданиями превращения Евросоюза в лидера XXI столетия. Как триумф воспринималось мегарасширение 2004 года за счёт стран Восточной Европы, Кипра и Мальты. ЕС находился в предвкушении принятия Евроконституции и новых волн расширения. Продолжался беспрецедентный по длительности период экономического роста. Казалось, что ЕС вот-вот обретёт настоящую политическую субъектность на фоне разногласий с внешней политикой США и складывания формата “большой тройки” России, Франции и Германии. Для исследований о Евросоюзе были характерны названия “Европейская мечта: как европейское видение будущего затмевает американскую мечту”¹ (Jeremy Rifkin 2004), “Почему Европа будет

¹ Rifkin Jeremy. The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. Cambridge, UK: Polity, 2004.

первенствовать в XXI веке”¹ (Mark Leonard 2006), “Европейская сверхдержава”² (John McCormick 2007). Однако, как и сто лет назад, дальнейшие события привели к тому, что эйфория сменилась пессимизмом, унынием, ощущением безысходности, истощенности, потерей ориентиров. В 2008 году Европа оказалась ввергнута в тяжелейший экономический кризис за всю её послевоенную историю.

Начало столетий сближает и то, что Европа была тогда и остаётся сейчас разделённой, фрагментированной. Современный хрупкий баланс сил, как карточный домик, рушится то в Грузии, то в Боснии и Герцеговине, то на Украине. Тлеют конфликты в Приднестровье и Нагорном Карабахе³. Фасад относительной стабильности прикрывает рост социально-экономического неравенства, опросы общественного мнения регистрируют небывалый рост недовольства. По данным Евробарометра в ноябре 2013 года ЕС не доверяли 58% граждан его стран-членов (включая 59% немцев, 62% итальянцев, 63% французов, 67% британцев, 71% испанцев)⁴. Как никогда за историю западно-европейской интеграции сильны евроскептические настроения, поднимает голову ксенофобия, национализм. Особенно сильны антироссийские настроения. Перед лицом не игрушечного, а реального сепаратизма стоят Испания, Бельгия, Британия.

¹ Leonard Mark. Why Europe will run the 21st century. London, New York: Public Affairs, 2005.

² McCormick John. The European Superpower. New York: Palgrave Macmillan, 2007.

³ Более подробно о “замороженных конфликтах см.: П.Е. Кандель. Региональные конфликты в Европе и их урегулирование. Глава 9. В: Безопасность Европы. Под ред. В.В. Журкина. Весь мир, Москва, 2011. С. 178-212.

⁴ Standard Eurobarometer 80, Autumn 2013.

Параллели напрашиваются и в том, что мировая политика вновь бросает вызов европоцентризму. Практически во всех регионах мира новые “поднимающиеся державы” держат курс на самостоятельную роль в международных отношениях. Тогда это были в первую очередь Япония и США, теперь – Китай, Индия, Бразилия, Турция, Иран и др. Первая мировая война, несмотря на триумф Франции и Британии, стала началом конца европейского экспансионизма. Теперь широкое хождение получил термин “усталость от расширения”.

Обеспокоенность вызывают и аналогии, связанные с готовностью ряда европейских стран к использованию силовых методов решения региональных проблем. В 1911 году Италия начала военные действия против Османской империи в Ливии (тогда – Триполитания и Киренаика). За ними последовали две Балканские войны, которые стали уже непосредственной предтечей Первой мировой. Сто лет спустя, в 2011 году Италия, Франция, Британия и ряд других стран предпринимают военное вмешательство в гражданскую войну в Ливии на стороне антиправительственных сил. В сентябре 2013 года в одном шаге от повторения такого же сценария история остановилась в Сирии.

Конечно, исторические эпохи, разделённые целым столетием, имеют неповторимые черты, разнятся, по крайней мере, не меньше, чем напоминают друг друга. В отличие от начала XX века фундаментальная “новация” новейшего времени – фактор ядерного оружия, мощное сдерживающее средство в отношениях между великими державами. Судя по всему, и в новом столетии оно будет играть не меньшую роль. Уникальность нашего времени заключается и в интеграционных региональных проектах, в первую очередь в лице Европейского Союза, природа которого исключила войну как средство

решения разногласий между его участниками.

Но отличия двух эпох не обязательно “работают” на стабильность. Так, в разрез с сегодняшним днём тогда на динамику внутриевропейских дел значительного влияния не оказывали внешние факторы. Теперь же геополитические и геоэкономические интересы США в Европе могут вести к усугублению конфликтов, а не к их разрешению, яркими примерами чего служат события в Закавказье в 2008 году и на Украине в 2014 году.

Новая тенденция, вызывающая большое беспокойство, – увлечённость политическими классами Запада поддержкой революционных процессов, а чаще – насильственной сменой политических режимов. Большую часть XX века Советский Союз был глашатаем революций как мотора исторического прогресса. Теперь же стороны словно поменялись местами, и ведущие западные столицы воодушевлённо приветствуют свержение того или иного правителя, причём, вне зависимости от степени его легитимности. Так, 21 февраля 2014 года официальные представители Парижа, Берлина и Варшавы участвуют в подписании соглашения между В.Ф. Януковичем и лидерами оппозиционных партий, тем самым признавая легитимность украинского президента, но уже через несколько дней приветствуют вооружённый переворот в Киеве. Такие подходы и методы ничему, кроме правового нигилизма, потворствовать не могут.

При сравнении начальных периодов двух столетий расходятся и положение дел в сфере демократизации европейского общества. Сто лет назад происходило “восстание масс”, не имеющее аналогов по своему масштабу вхождение людей в политику, создавались массовые политические партии, профсоюзные движения, на авансцену общественной жизни впервые выходили

миллионы избирателей. Теперь же в Европе один из основных рефренов политического дискурса – проблема политической апатии, демократического дефицита, потери доверия между политической надстройкой и низами, “схлопывание” массовых партий в кадровые. Широкие слои населения разочарованы политикой и уходят из неё. А многие из тех, кто остаётся, использует механизмы представительной демократии для выражения своего протеста, а не поддержки правительств, парламентов и президентов.

Поверхностны ли параллели между началом XX и XXI веков или за ними стоят реальные и глубинные процессы? В чём злободневность опыта Первой мировой и всей эпохи “тридцатилетней войны” для нашего времени? Насколько мышление политиков за последние столетия совершенствовалось так же быстро, как технологии? События последних лет – кризисы и войны как в самой Европе, так и вокруг неё, не вызывают исторического оптимизма. Под угрозой разрушения одно из самых больших государств Старого Света – Украина. Отношения России и ЕС, России и НАТО переживают наихудшие времена после распада Советского Союза.

Однако думается, что слишком велики были жертвы, понесённые Европой в двух мировых войнах, слишком ценит она своё благосостояние, обречённое с таким трудом за последние 70 лет, слишком далеко зашли процессы европейской интеграции и слишком неприемлема для европейского обывателя и налогоплательщика война как статья расходов его средств, чтобы в этой истории в её наихудшем варианте повторилась. Здравый смысл рано или поздно возьмёт верх, и в Старом Свете установится большой мир, каким бы далёким он сейчас ни казался на фоне дымящегося Славянска.

Ал.А. Громько